

ОТЗЫВ
официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
Вэй Синьи
на тему: «ПРОБЛЕМА ПРАВСТВЕННОГО
САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В ПОЭЗИИ Н.А. НЕКРАСОВА»
по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской
Федерации»

Актуальность диссертации, как утверждает исследователь, и в этом с ним можно согласиться, объясняется идеологизированностью обсуждения этических аспектов творчества Некрасова (что деформировало предмет), а также сменой идеологической парадигмы, произошедшей в последние десятилетия, и возникшей возможностью свободного академического анализа вопроса. Добавлю, что тема сложна и, имея прямое отношение к истории литературы, в то же время находится на стыке филологии и философии; сразу скажу, что требованиям, которые определяются общегуманитарным характером постановки вопроса, работа, на мой взгляд, вполне удовлетворяет.

Оценивая достоверность **достоверность и научную обоснованность** результатов исследования, отмечу, что представляется убедительной предложенная аргументация отбора анализируемых текстов, постановка проблемы и ход рассуждений обнаруживают профессиональное владение историей вопроса, привлекаемые сведения об истории философских концепций соответствуют современным научным представлениям.

Научная новизна рассматриваемой работы обусловлена оригинальной интерпретацией этических представлений, проявляющихся и/или изображенных в творчестве Некрасова: последовательным соотнесением этих представлений с эволюцией этических взглядов Белинского и его круга, при этом отрицанием эволюции «некрасовской системы ценностей» и пониманием ее как включающей на синхронном уровне те разные этические концепции, которые у Белинского сменяли друг друга. В самой работе об этом

говорится так: «Речь идет об одновременно неподвижной (в своих базовых понятиях) и меняющейся системе, поступательную эволюцию которой проследить невозможно и не имеет смысла» (замечу, однако, что этот тезис автор не всегда способен последовательно выдержать; так, на с. 40 об эволюции поэзии Некрасова сказано более привычным образом: «Поэзия Некрасова, его творческая эволюция, заменяет ему путь, которым Белинский прошел как мыслитель и критик»).

Сомневаться в новизне предложенной концепции трудно, хотя, как и всякая сложная интерпретация, предложенное понимание аксиологии Некрасова может стать предметом научной дискуссии. В частности, очевидно, что может быть отмечена существенная разноприродность сопоставляемого: для Белинского речь идет о его действительных человеческих убеждениях (пусть и сформировавшихся под влиянием чужих философских концепций), — не случайно в той части работы, которая посвящена Белинскому, цитируются его письма, предполагающие прямое высказывание, не стесненное требованиями публично предъявляемых жанров, — а там, где говорится о Некрасове, обсуждается в первую очередь его художественное творчество, — причем не только лирика, в которой еще можно увидеть прямое выражение позиции биографического автора, — но и лиро-эпос, т.е. изображение мира, изображение этических позиций персонажей, которые не являются все-таки двойниками автора. То разнообразие этических принципов в творчестве Некрасова, которое описывается в работе и является ее главным предметом, может объясняться не только тем, что, как утверждает автор работы, в сознании ученика Некрасова в синхронии совместились этапы эволюции мировоззрения, через которые в диахронии прошел его учитель Белинский, но и тем, что Некрасов — художник, изображающий мир, а не только оценивающий его, как публицист. В самой работе, впрочем, обнаруживается и ответ на такое критическое замечание: в третьей главе, посвященной именно изображению Другого в творчестве Некрасова,

изображению крестьянства в текстах преимущественно эпической природы, автор работы видит своеобразное лирическое начало, причем доминирующее: «народ и народная жизнь» для Некрасова понимаются как «поле «проекции» — пустое или загадочно темное место, на которое легко спроецировать и свои комплексы, и свои идеалы» (с. 90-91).

Несмотря на потенциальную дискуссионность основной идеи работы, — дискуссионность, обусловленную сложностью темы и новаторским характером идеи, — считаю, что предложенная концепция во всяком случае имеет научную ценность, демонстрируя нам и смысловую сложность поэзии Некрасова, и, видимо, более существенную, чем нам обычно представляется, связь между Белинским и Некрасовым.

В I главе, «Эволюция философско-этических взглядов Белинского и его круга», предложен исторический очерк, необходимый для развития в последующих главах оригинальной интерпретации творчества Некрасова, — очерк, в целом имеющий, как признает во введении сам исследователь, характер обобщающего и аналитического свода известных данных. Все этапы эволюции философско-этических взглядов Белинского, описанные в этой главе, и именно в тех аспектах и в том духе, в котором они в этой главе представлены, далее будут обсуждаться как своеобразно отразившиеся в поэзии Некрасова.

Отметим в финале главы убедительное, и при этом основанное преимущественно на биографической и психологической — вполне здесь уместной — аргументации рассуждение о том, как были восприняты Некрасовым уроки и пример Белинского: «Некрасов принял убеждения, которые не мог ни по-настоящему оценить в сравнении с альтернативными, ни полностью согласовать со своим отношением к миру, эмоциональным строем» (с. 36).

Изображение и/или выражение различных представлений о нравственности полно и в целом убедительно описываются и анализируются

во II главе, **«Проблема самосовершенствования в этической системе образованного человека в поэзии Некрасова»**. В некоторых параграфах этой главы дан резюмирующий анализ уже обсуждавшихся в науке положений (напр., «Социальное зло в поэзии Некрасова»), в других предложен более необычный взгляд на известные тексты: таково, например, соотнесение пафоса стихотворений «В дороге», «На улице», «В деревне», «Утро» с «шеллинговской» объективностью. Кажется, однако, что само название параграфа 2, **«“Шеллинговская“ объективность как морально недостойный способ отношения к царящему в мире злу в поэзии Некрасова»**, противоречит идее о том, что пройденные Белинским этапы эволюции мировоззрения сосуществуют в поэзии Некрасова: здесь шеллингианский этап ведь подан как нечто критикуемое).

В III главе, **«Путь самосовершенствования человека из народа в поэзии Некрасова»**, убедительно сопоставляется воплощение мотива нравственного самосовершенствования в произведениях, изображающих крестьян и социальный круг, к которому принадлежит сам поэт, — демонстрация, как выражается автор работы, гомологии в этом отношении представляется важной. Отмечу здесь, однако, отдельные излишне упрощенные интерпретации («неспособность ямщика понимать и сочувствовать высоким искусствам является причиной страданий героини стихотворения «В дороге»» (с. 88), и, кажется, не вполне точное истолкование известных слов: «...грех атамана Кудеяра, убийцы, нарушившего обет и снова пролившего кровь, прощается именно потому, что он был в духе учения апостола Павла, погубить свою душу ради спасения душ своих братьев» (с. 110).

Как всякое глубокое исследование, диссертация вызывает вопросы.

1. Вопрос локальный, почти библиографический. Описывая ситуацию в современной русистике, обращающейся к творчеству Некрасова, и упоминая книгу М.С. Макеева «Николай Некрасов: Поэт

и Предприниматель» (2009), диссертант говорит: «Хотя автор исследования, ставшего моделью для исследований “поэтической экономики”, не делал таких выводов, она, несомненно, привела к некоторому перекосу в понимании нравственной проблематики в поэзии Некрасова, вызвала снова к жизни представления о “цинизме” и расчетливости поэта и отсутствии у него какой-либо системы ценностей» (с. 4). — Нельзя ли назвать некоторые примеры современных публикаций, в которых отражены такие представления?

2. Обосновывая постановку научной проблемы и описывая состояние вопроса в современной науке, автор говорит об «упрощенном понимании как творчества Некрасова, так и философии Белинского»: «Одной из причин такого упрощения является отсутствие учета некрасоведами сложной интеллектуальной эволюции, проделанной Белинским и его соратниками, принятия во внимание мучивших его противоречий, в конечном счете, канонизация в качестве единственно значимого позднего учения Белинского, сведение его философской и общественно-политической позиции к системе взглядов, выраженной в последних написанных им статьях» (с. 19). В целом не ставя под сомнение эту критическую оценку, не могу не попросить у диссертанта хотя бы предположительных объяснений — почему так получилось? Ведь исследователи собственно Белинского (например, Ю.В. Манн), по крайней мере с 1970-х, эволюцию Белинского, разумеется, изучали; почему хорошо известные результаты этих исследований не были учтены ближайшими коллегами, занимавшимися Некрасовым?

3. Описывая мировоззрение Белинского в сороковые годы, автор употребляет такие слова: «финальные (условно “революционные”) взгляды критика» (с. 19). Чем объясняются здесь кавычки, бесспорно, значимые, и слово «условно»? разве политические взгляды Белинского, по крайней мере в последние годы жизни, не были революционными в прямом смысле слова? Если нет, то как диссертант мог бы аргументировать свои сомнения? И не противоречит ли этим кавычкам то, что говорится о взглядах Белинского

на с. 32? («Да и что кровь тысячей...» и т.п.) Понимаю, что включать такую аргументацию в состав текста работы, посвященной все же в основном не Белинскому, а Некрасову, необходимости не было, но вопрос оставляю.

4. «Искусство, к которому применимы концепции Шеллинга, фактически отказывалось от какой-либо учительной роли и в конечном счете могло привести к аморализму, к поэтизации зла» (с. 23) – Как такое понимание философии Шеллинга согласуется с практикой русских шеллингианцев — любомудров (например, В.Ф. Одоевского), весьма склонных к эксплуатации учительной роли искусства?

5. Описывая мировоззрение позднего Белинского, диссертант утверждает: «Художник страстный, обличитель пороков и проповедник добра становится образцом подлинного писателя, художник “объективный”, равно приемлющий порок и добродетель, объявляется литератором, стоящим на низкой ступени искусства» (с. 35). В каких критических статьях Белинского, посвященных произведениям его современников, такая ценностная иерархия прямо выражена? Употребляется ли в этих статьях в соответствующем контексте слово «объективный»? Как соотносится приведенное выше суждение диссертанта с известной характеристикой творческой манеры Гончарова, предложенной Белинским?

Кроме этих вопросов, выскажу одно несогласие. Во введении автор, аналитически описывая историю вопроса и полемизируя с положениями т.н. православного литературоведения, говорит: «Такое направление... в случае некрасовской поэзии особенно отчетливо обнаруживает свою теоретическую и “практическую” слабость. <...> игнорируются <...> факты равнодушия или даже презрения того или иного писателя к церкви и религии (в том числе Некрасова). Сам анализ текстов превращается в упорное выискивание в текстах символики: часто исследователь придает преувеличенное значение малозначимому в общем контексте слову или высказыванию (в котором автор *по привычке* <курсив наш. – Г.З.> употребил какое-нибудь слово, способное

иметь в том числе христианские коннотации, например “крест” или “грех”) и игнорирует все, что в том же тексте таким трактовкам противоречит. <...> мы <...> исходим из понимания Некрасова как поэта, не воспитанного, не сформировавшегося в духе христианской морали, никогда не испытывавшего желания перейти в лоно православной церкви» (с. 6). — Не споря с оценкой индивидуальной веры или неверия Некрасова, а также с оценкой его отношения к церкви — автор текста, думаю, разбирается в биографии Некрасова как специалист, — замечу все же, что сами формулировки здесь подобраны не вполне корректно: европеец XIX века — это, вне зависимости от его личной веры или неверия, человек, принадлежащий христианской цивилизации в широком смысле этого слова; в суждении следующего типа — «автор *по привычке* употребил какое-нибудь слово, способное иметь в том числе христианские коннотации, например “крест” или “грех”» — проявляется, как мне кажется, недооценка этого довольно очевидного исторического факта. Прошу прощения за трюизм, но в рамках христианской цивилизации сформировались и те западноевропейские мыслители, о которых идет речь в первой главе работы, — оказавшие определяющее влияние на Белинского.

Кстати, не вполне понятно, как с приведенными выше формулировками диссертанта можно согласовать цитируемые на с. 33 слова о Христе Белинского, к аксиологии которого в диссертации возводится, хотя и сложным образом, аксиология Некрасова: «Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения». И некоторые собственные суждения автора работы о Некрасове слишком радикальному обобщению противоречат, например, в третьей главе, где цитируется поэма «Тишина» (с. 101).

И еще одно, вполне формальное, замечание. С сожалением должна признать, что работа недостаточно внимательно вычитана, в ней есть довольно многочисленные опечатки, некоторые синтаксически незавершенные фразы,

неточности в инициалах исследователей; в библиографии отдельные пункты, которые по своему существу относятся к источникам, помещены в раздел «Исследования», и т.д. Впрочем, это свидетельствует не о недостаточном профессионализме диссертанта, а только о некоторой его небрежности диссертанта.

Указанные замечания не умаляют значимости научного сочинения. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации», а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Вэй Синьши заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
ЗЫКОВА Галина Владимировна

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

10.01.01 – «Русская литература»

Адрес места работы:

119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корпус гуманитарных факультетов, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», филологический факультет, кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса

Тел.: +7 (495) 939-26-42, ruslitxxcentury@gmail.com